

## Письмо Е.П.Блаватской к Д.Р.Скиннеру от 5 апреля 1887 года

Остенде. 5 апреля 1887 года.

Мой дорогой мистер Скиннер, я никогда не уплачивала вперед ни цента, почему же тогда вы должны присылать мне этот доллар? В ближайшую неделю или около того судьба расставит точки над «i», и – либо я отвечу на ваше очень, *очень* ценное письмо и наша переписка умножится и станет еще шире, либо эти строки будут последним, что вы получите от меня в этой жизни. Пять дней назад (сегодня уже 17-й день, как я прикована к постели) два врача объявили, что я не протяну более 48 часов. Мне пришлось составить Завещание, вверив в случае моей смерти свое брэнное тело моему другу, графине Вахтмейстер<sup>1</sup>. Без этого городские власти не разрешили бы ей забрать его в Лондон для кремации. Однако я, кажется, еще раз обвела смерть вокруг пальца, хотя она может прийти за мной каждую минуту. У меня случилась полная остановка работы почек на несколько дней – приближался час впадения в коматозный сон и умирания, но графиня Вахтмейстер в отчаянии послала телеграмму в Лондонскую Ложу, воззвав о помощи, и в ту же ночь сюда приехал хороший английский врач (один из наших теософов, никогда прежде меня не видевший, даже мельком), который вернул меня к жизни в считанные дни. Поразительная преданность!! Он был директором Вестминстерского диспансера и сейчас лишился должности<sup>2</sup>.

---

Публикуется впервые по: Андовер-Гарвардская теологическая библиотека, коллекция bMS, №516.1.16.  
Джеймс Ральстон Скиннер (1830–1893) – американский адвокат, масон, каббалист, писатель.

Перевод с английского А.И.Дьяченко.

Комментарии А.И.Дьяченко и А.Д.Тюрикова.

<sup>1</sup> Вахтмейстер Констанс (1838–1910) – член Теософского общества с 1881 г., писательница, секретарь и казначей Лондонской ложи Блаватской, жена К.Вахтмейстера (1823–1871), министра иностранных дел Швеции (1868–1871).

<sup>2</sup> Эллис Уильям Эштон (1852–1919) – английский врач, вагнерист, писатель.

«К концу зимы она [Е.П.Блаватская] захватила бронхит и хроническая болезнь почек – милое наследие Индии – до того ухудшилась, что бельгийские доктора объявили ее безнадежно... Пусть она сама за себя расскажет все дело, болезнь свою и спасение.

“Милая ты моя, не бойся, – еще раз надула я *курносую*: выходили меня!.. Удивительные казусы со мной все творятся. Ты пишешь: “Можно ли быть такою неосторожною!” – Да разве же я по неосторожности простудилась?.. С кресла не вставала, из комнаты не выходила, как прикованная сидя над своею *Доктриной*; всем работы с нею задала: и графине, и доктору Китлею, двоюродному брату того, что ты в Париже видала; он приехал из Лондона депутатом, звал меня к ним туда, – а я его за работу!.. Видишь ли, дней за десять до болезни стало Лондонское общество усиленно меня призывать: нужна-де я им! Без меня ничего не поделают, учиться ок[к]ультизму хотят, а потому сгорают желанием лишиться Остенде моего благотворного присутствия... Прежде все вороха писем умоляющих получала и отмалчивалась... Ну-де, вас, совсем! думала. – Дайте вы мне покойно книгу свою писать. Не тут-то было: депутацию прислали! Keightley уверяет: “И дом чудесный в саду наняли, и все приготовили, и на руках вас на место доставим – только согласитесь!” Я, было, и решилась. Графиня уж укладываться начала, хотела меня упаковать, съездить в Швецию, продать там свое имение, чтобы жить при мне неотлучно, и вдруг я свалилась!.. Такая, видно, моя *планида*!.. Да еще какой тут *пассаж* вышел. 27 марта назначено было нам выехать, а 17 я ни с того, ни с сего, сидя в кресле после обеда, заснула. Ты же знаешь, что со мной никогда этого не бывало!.. Заснула я крепко и вдруг говорю ей, как она рассказывает, я-то ничего не помню совершенно:

“Хозяин говорит – вы не должны ехать, потому что я буду смертельно больна...” Она как закричит: “Чтò вы говорите?!” Я проснулась и тоже кричу в удивлении: “Чего вы кричите? Чтò случилось?!” Tableau!.. <Ну и зрелище!.. *англ.*> Дня через два мы, было, и забыли об этом, как получаю я еще одно письмо из Лондона от некоего члена, которого я и в глаза не видала, Easton Ellis – доктор при Вестминстерской больнице, мистик, вагнерист, великий музыкант, еще молодой человек... Тоже умоляет меня не переезжать на том, вишь, основании, что *видал меня перед собой*, – по портретам, говорит, узнал... Стою я, говорит, через стол его, на котором он писал, и смотрю на него... Мы с Constance (графиней) еще смеялись над его восторженными уверениями: “My life seems strangely linked with yours!.. <Моя жизнь кажется странно связанной с вашей!.. *англ.*> Моя жизнь связана, пишет, с вами и Теософическим Обществом. Я знаю, – *я скоро должен вас увидеть!*...” Посмеялись и об этом забыли... Тут я горло простудила, сама не понимаю как, а потом – еще хуже! Как слегла я да на пятый день остендские доктора объявили, что надежды нет, потому что началось отравление крови от бездействия почек, а я все дремала, да так и должна была заснуть навеки в этой дремоте, – графиня и вспомнила, что ведь этот Аштон Эллис – доктор известный. И телеграфировала ему, прося прислать хорошего специалиста.

Но почему они так цепляются за бедную, старую, ни на что не годную меня, ума не приложу. Но все они действуют именно так! Покажите это письмо доктору Баку<sup>3</sup>; скажите ему, что *непосредственная* опасность миновала, но почки работают все еще из рук вон плохо, и я очень слаба. Что бы ни случилось, вы получите мою фотокарточку<sup>4</sup>, [тибетскую] святыню<sup>5</sup> и кольцо<sup>6</sup>. И

---

Вдруг этот, доселе чужой человек, телеграфирует: “Еду сам, прибуду ночью”. – Я, как во сне, еле помню, что кто-то в самом деле ночью пришел, взял мою руку, поцеловал ее, давал мне что-то глотать; присел на кровати и начал массировать мне спину. Представь себе, что этот человек три ночи и три дня не ложился и каждый час растирал меня и массажировал...”

Далее Елена Петровна рассказывает, как она слышала говор присутствовавших о том, что если умрет она, не подписав своей воли, то без завещания не позволят сжечь ее тела...

“Тут проснулось во мне сознание всего ужаса быть похороненною, лежать здесь с католиками, а не в Адияре... Я позвала их и говорю: “Скорей, скорей нотариуса!”, и, поверишь ли, – *встала!*.. Артур Гебарт, только что вернувшийся из Америки и приехавший с матерью, прослышав о моей болезни, побежал, привез нотариуса и американского консула; а у меня – откуда силы взялись? – Сама диктовала и подписала завещание... Покончив, чувствую – не могу дольше! Опять в постель и говорю себе: “Теперь – до свидания! Помирать буду!..” Но Easton тут из себя вышел: целую ту ночь он опять меня массажировал и поил какою-то дрянью. Но я уж видела, что у меня тело сделалось серым и в сине-желтых темных пятнах и, впадая в беспамятство, только с вами мысленно прощалась...”

Массаж, однако, подействовал; проспав целые сутки, Елена Петровна проснулась вне опасности. Рассказывая впоследствии об уходе за ней этих “посторонних людей” – графини, m-me Gebhard и в особенности совсем незнакомого, светского, модного доктора, поплатившегося сильно своею службой за то, что самовольно, без отпуска, уехал в ту же минуту, как получил телеграмму, – вспоминая их “неустанные, самоотверженные услуги, заботы их, усталъ и тревоги ради спасения нескольких лет, быть может, нескольких месяцев жизни чужой им старухи”, сестра мне далее пишет:

“...Не знаю, что и думать! Что я им?.. За что графиня так привязана ко мне, что готова жизнь отдать для меня? Что я такое для Эллиса, никогда меня не выдавшего, чтоб он, не задумываясь, рискнул, без позволения, бросить для меня госпиталь на *семь* дней; теперь потерял место с прекрасным содержанием и квартирой при Westminster Dispensary <Вестминстерском диспансере, *англ.*>, съездил туда, вернулся и смеется: совсем, говорит, не жалеет! Больше времени будет для теософии работать с одною практикой... Ну, что это значит? Что им во мне?.. Что за судьба моя так влиять на судьбу других людей?.. Я тебе говорю серьезно: *мне страшно!*.. Я перестану понимать причины и теряюсь! Знаю только одно: я вызвала какую-то неведомую силу, которая связывает судьбы людей с моею судьбой и моею жизнью... Знаю также, к своему счастью, что многие между преданными мне людьми считают меня своею спасительницей. Многие были бессердечными эгоистами, материалистами безверными, светскими, легкомысленными сластолюбцами и превратились в серьезных, работающих без усталости людей, всем пожертвовали делу: положением, временем, достоянием и только об одном помышляют: о своем духовном и умственном развитии. Они поделались какими-то жертвами искупления, живут только для блага других; во мне видят свое спасение и просвещение, а я что?.. Я сама та же... что и была. По крайней мере, в отношении их, право!.. Я готова отдать последнюю каплю крови за теософическое дело, но теософов – почти никого не люблю!.. Не могу я лично никого любить, – кроме вас, родных моих... Что я за слепое орудие в руках – надо правду сказать – того, кого я зову *он, Master?*.. Не знаю! *Не знаю!* И *не знаю!*.. Для меня, как и для всех, феноменальное возникновение, по *моей* инициативе, нашего общества; его рост не по дням, а по часам; его несокрушимость ни под какими ударами врагов – неразгаданная загадка! Не знаю, какова тому логическая причина, но вижу, знаю, что ему, теософическому обществу, суждено иметь мировое значение. Оно станет мировым событием!.. В нем заключается нравственная и психическая сила, под давлением которой оно, как девятый вал, зальет, сметет и затопит с берегов все то, что меньшие волны человеческого мышления выкинули на них чуждых осадков, обрывков систем и философий. Я – слепой его двигатель, но в нем – зрячая, великая сила!”

“Великая сила” эта, вероятно, поддержала и в сей раз столько раз уже спасенное ею от окончательного крушения тело, из которого сотворила себе орудие. В бельгийском медицинском журнале появилась статья о редком, почти небывалом случае выздоровления Е.П.Блаватской. Передо мной статья д-ра медицины А.Китля, подтверждающая то же» (*Желиховская В.П.* Елена Петровна Блаватская. Биографический очерк // Русское обозрение, 1891, №12. С. 591–595; см. также: <http://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html>).

<sup>3</sup> Джайра Деви Бак (1838–1916) – американский врач, писатель, масон, теософ и основатель Теософского общества в городе Цинциннати.

<sup>4</sup> См.: Андовер-Гарвардская теологическая библиотека, коллекция BMS, №516.1.2.

<sup>5</sup> «Если вы сможете разобраться с алтарем, который я попыталась нарисовать с клубящимися пламенами вокруг, я пошлю вам его, – только как? Но если у вас ничего не получится, тогда что толку слать? Если только вы не оставите его себе в качестве амулета и *талисмана* от вашей покорной слуги. Только, будьте любезны, никогда его не открывайте; кроме того, что ваш мир испортит его, вы в нем ничего не найдете. Там внутри только немного *Акаши*» (Письмо Е.П.Блаватской к Д.Р.Скиннеру от 17 февраля 1887 года // <http://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html>).

да пребудут Силы, которые хранили вас до сего дня, вашим благословением и защитой во все времена. Если я умру, не думайте обо мне скверно даже тогда, когда люди будут поносить меня. Для меня смерть – освобождение, но мне бы хотелось успеть закончить *Тайную Доктрину*.

Передайте сердечный привет брату Баку, я благодарна вам обоим.

Всегда ваша,

Е.П.Блаватская.

---

<sup>6</sup> В другом письме Д.Р.Скиннеру (от 27 мая 1887 года) Е.П.Блаватская пишет об этом кольце: «Сегодня с пароходом “Аляска” я послала для вас маленькую бронзовую святыню (тибетскую) и золотое кольцо с сердоликом, передав посылку через агента. Сообщите, когда вы их получите. Не позволяйте *никому кроме вас носить это кольцо или даже прикасаться к нему*» (Андовер-Гарвардская теологическая библиотека, коллекция bMS, №516.1.20). А в письме Д.Д.Баку от 7 мая 1887 года она добавляет: «Он [Д.Р.Скиннер] должен носить его ради меня, ибо это мое оккультное кольцо» (Андовер-Гарвардская теологическая библиотека, коллекция bMS, №516.1.18). (Прим. перев.)